

A woman with blonde hair, wearing a dark red, sleeveless, form-fitting dress, is sitting on a wooden deck. She is looking upwards and to the right, with her head tilted back. The background is a vibrant, cosmic scene featuring a purple and blue nebula, a large planet on the left, and a moon in the upper center. The overall atmosphere is dreamy and ethereal.

В космосе только девушки

Мила Двинская

12+

Мила Двинская

В космосе только девушки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64155343

SelfPub; 2021

Аннотация

На Земле уже давно не произносят приговоров. Преступления изжили себя полностью. Но роковое слово произнесено. Три раза за один день. Виновна! И наказание – высшая мера. За что трех юных, не слишком образованных, но очень талантливых граций выслали с планеты без права возврата? Как выжить, если жизнеобеспечение на полгода, а шаттл летит неизвестно куда? Возможно, девушки – единственный шанс землян вымолить прощение. Тогда, кто преступник?

Мила Двинская

В космосе только девушки

- Виновна! Приговаривается...
- Виновна! Приговаривается...
- Виновна! Приговаривается...

Зал судебных заседаний не открывался 78 лет. Преступления изжили себя, как бесполезное, неинтересное и постыдное занятие. Преступников не существует. И вот сегодня... Три приговора. Три вины. Три высших меры наказания.

В мировом сообществе Земли уже давно не было таких событий. Сенсация. Тот, кто урвет хоть клочок новой информации, навеки войдет в историю журналистики. Репортеры толпятся возле дверей суда, на лестнице, крыльце. Они заполонили близлежащие улицы, крыши, заборы. Но приговоренных не видно. Тех проводят подземными катакомбами Москвы. Время исполнения приговора тикает, отсчитывая последние часы несчастных на Земле.

– Господин Сенатор! Ну что мне еще сделать? – симпатичная смуглая брюнетка в розовом брючном костюме стоит

на коленях. – Она же не со зла. Нелепое совпадение звезд. Несчастный рок. Помогите, прошу, молю.

Важный толстопузый Сенатор, похожий, как кофейное зернышко на всех советников мирового сообщества, брезгливо обходит плачущую мать. Приговор вынесен и обжалованию не подлежит.

– Иннокентий, это абсурдно и нелепо. За такое не приговаривают к высшей мере наказания. Повздорила молодежь. Так помирятся. С кем не бывает?

– Алиса, уйди! – один из богатейших людей планеты смотрит в ярости на хрупкую блондинку, последние несколько лет занимающую козырное место его фаворитки. – Тема закрыта. Если не угомонишься, вылетишь из моей жизни навсегда.

– Не хочешь помочь? – спокойный тон уже бывшей любовницы не предвещает ничего хорошего. – Живите долго. Ты и твой сынок. Живите несчастливо. И помните всегда о моей девочке. Проклинаю.

– Не стыдно? – седовласая дама в белом нагло выпускает кольцо экологически чистого дыма в лицо Судье. – Сколько тебе капнуло кредитов за эту сфабрикованную наспех постановку? И как теперь будешь спать?

– Нормально, – буркает судья, вынесший приговор. – Буду. Спать. Она виновна.

– Сам знаешь, что за такое максимум – 25 лет работ в озеленении на высылках. Но высшая мера... Да еще и без права обжалования... Кто заказал весь этот спектакль?

Дзын-дзын-дзиньнь. Так звонит только особый телефон. Для эксклюзивных коротких сообщений.

– Все готово.

– Хорошо. Запускай.

– Можно им проститься с родными?

– Это нарушение.

– День? Час?

– Прямо сейчас. У тебя 40 минут.

На Земле обычный день. Никто не улавливает момент запуска небольшого космического шаттла. Только три матери, на секунду замерев от сжавшегося в ледяной кулак сердца, судорожно отсчитывают успокоительное. Почему так больно? Одна капля, семь, шестнадцать.

Никто не замечает, куда исчезли из подземной городской тюрьмы три заключенные. Только три отца, внезапно вздрогнув, бросают безнадежный взгляд в окно.

Никто не фиксирует, что высшая мера наказания испол-

нена. Только самые досужие репортеры еще остаются у стен суда, но и эти бдения скоро прекратятся.

Голова раскалывается. Ужасно. Кажется, что въедливые сороконожки ковыряются всеми сорока лапками в мозгу. Аннета с трудом разлепляет глаза. Невозможно сфокусироваться – все плывет. Вроде должны принести завтрак. Калорийный. Безвкусный. Серый. Впрочем, как и все в этой тюрьме.

Что это? Где привычная спартанская камера с серыми, наспех отштукатуренными, стенами? Хотя и новая обстановка роскошью не хвастается. Кряхтя и держась за голову, Аннета сползает с кресла. Кресло? Дурман слетает с клеток серого вещества, остается боль. Но она не мешает осознать, что...

– Черт, черт... – девушка с ужасом загнутой косули рассматривает картину, открывающуюся перед ней. Огромный экран-стекло демонстрирует черноту и яркие вспышки. Звезды? Чуть в стороне поблескивает светлая сторона Луны. – Черт, черт, они все-таки исполнили приговор!

Рядом слышится сопение. В соседнем кресле шебуршится фигурка в серебристо-черном комбинезоне. Таким же, как и на Аннете. Костюм переливается в свете лунных бликов. И от этого становится тревожно.

– Ишь, заботливые какие. Воду приготовили. Лучше бы

сразу расстреляли. – Аннета с гримасой отвращения бросает взгляд на бутылки с прозрачной жидкостью, закрепленные на панели. Но руку протягивает. Во рту сухость, будто после недели жизни среди песчаных барханов Сахары.

– Что? – вторая девушка открывает глаза. – Где я? И ты кто такая?

– На, попей. Сейчас станет легче.

– Они что исполнили приговор? Господи, мама, папа, сестра... Я не успела написать им письма. А ведь адвокат обещал мне.

– Я Аннета. А ты?

– Лиля, – причитания прерываются. – Послушай, приговоров же три было...

Девушки, бросаются к третьему креслу.

– Совсем ребенок.

– Давай воду.

– Черт, не приходит в себя.

– Эй, не вздумай умирать.

– Смотри, шевелится. Воды ей, воды.

– Где я? – испуганные глаза беспорядочно мечутся с одного лица на другое. Вдруг васильковый взгляд натывается на звездную панораму. – Космос? Это конец.

– Так, успокойся, – легкая пощечина останавливает начало истерики. – Ты жива. Пока. Мы – тоже. А там, как судьба решит. Тебя как звать?

– Кира, – шепчут сухие губы, а взгляд не отрывается от проплывающей мимо Луны. – Они сдвинули нас с орбиты.

– Сдвинули? Откуда знаешь?

– Мой младший брат. Он бредит Космосом. Рассказывал, что с орбиты можно увидеть только темную сторону спутника.

Девушки сидят тихо и неподвижно почти целый час. На полу. Подальше от попутчиц. Каждая мысленно прощается с прошлым, семьей, Землей. Это нелегко. Говорят, перед самой смертью подсознание прокручивает жизненные кадры назад. Но последних кадров нет. В длинном приговоре часто упоминалось про шесть месяцев. Кто знает, в чем смысл отсрочки и полугодовых запасов, когда существует Запрет?

Да-да, Запрету на выход в Космос уже 537 лет. Когда-то земляне повели себя неправильно, слишком глупо, воинственно. Уничтожено несколько планет, другие – оказались на грани гибели. Межгалактическое сообщество до сих пор не оправилось и пожидало плоды. Расы вымирают. Рождаемость сократилась. Знания потеряны.

Земляне, будто злые детишки, не осознающие последствий своих неразумных шалостей, были наказаны. Планета полностью изолирована от Галактики, граница последней

траектории определена давно. Ослушаешься – смерть. Межгалактический Патруль строго придерживается протокола. Много «смельчаков», рискнувших нарушить границу, потеряли земляне. В этом году исполнилось ровно 500 лет, как земляне прекратили направлять космические корабли далее Луны. Космология как наука, остановилась в своем развитии, так и не успев толком сформироваться.

И вот теперь хрупкий шаттл с тремя преступницами покидает ограниченный круг.

– Так, девчонки, – решительно подхватывается со своего места Аннета. – Хочу знать с кем проведу ближайшие полгода. Давайте расскажем о себе. Начнем с преступлений.

– Зачем, – в глазах Киры блестят бусины слез. – Мы не проживем и эти полгода. Исторические факты говорят...

– К бесам исторические факты, – нервно прерывает Аннета. – Хочешь сдохнуть? Иди, бейся головой об стену, только не скули.

– Тише, девочки! Мы – это все, что у нас осталось. Давайте я начну. Я Лиля. И меня приговорили за уничтожение гектара леса.

– Лиля? Как?

– Лес на планете под защитой. Каждый метр в Красной Книге. А тут целый гектар. – Кира, зажав рот двумя ладошками, огромными глазами с невыплаканной болью смотрит

на подругу по приговору. Ну хоть готовая истерика не развилась, и то – хорошо.

– Мы с друзьями праздновали помолвку Влада и Насти. Напились здорово. Кто-то предложил шашлыки в лесу, как в старые добрые времена. Книжек начитались и бабушкиных дневников начитались, вообразили себя великими путешественниками по самым дебрям природы. У меня с собой зажигалка была, у матери стащила. Мне и разжигать. Потушить не смогли.

– Но судили же тебя одну. А остальные?

– Сбежали, – горько усмехается Лиля. – Я зажигалкой щелкала, мне и отвечать. Это уже потом мне прадед рассказал, когда в тюрьме навещал... Надо было сначала обезопасить пространство от возможного пожара. Воду приготовить, песок. Ай, что теперь махать руками, ничего не изменится. Ну, Аннет, твоя очередь.

– Я Охотница.

– Ох!

– Состою в обществе истребления животных-мутантов. В очередном рейде... промахнулась. Мало того, что убила косулю, не мутанта. Так она еще и на сносях была. И косуленок ее тоже полноценный был.

– Вот, значит, как, – задумчиво протягивает Лиля, – ты, вроде, постарше нас с Кирой. Неопытная? Сменила сферу

деятельности?

– Я с детства стреляю. В нашем роду все охотники.

– Тогда как?

– Ваня, напарник мой, уронил рюкзак в момент выстрела. Вот здоровая косуля и понеслась. Выскочила прямо перед мутантом. Но заряд послан. Ничего сделать нельзя было.

– Ну а ты, Кира?

– Я не хочу об этом говорить, – едва слышно шепчет девушка. – Мне стыдно...

– Кира... Перестань вести себя, как ребенок. Здесь равные условия для всех.

– Мы должны знать, что представляет каждая. За что осуждена? Скажи, и больше мы не будем возвращаться к трагическим моментам. Пусть все покоится в прошлом. На Земле.

– Я... я... – Кира плачет, закрыв лицо руками. Но внезапно, будто вспомнив что-то, что придало сил, выпаливает:

– Я отказалась целоваться с сыном Самого.

– Иннокентия что ли?

– За такое не приговаривают к высшей мере.

Два голоса с нервными смешками раздаются в унисон.

– Вы не понимаете. Моя мать – любовница Иннокентия. С Артемом, его сыном, мы знакомы пять лет. В тот злопо-

лучный день мы забрались вдвоем на колокольню. На город посмотреть. Артем попытался меня поцеловать.

Кира торопится выплеснуть все наружу, будто боится, что не хватит сил досказать:

– Я отказалась, объяснив, что он всего лишь друг. Артем сказал, что если я откажу, то спрыгнет вниз...

– И?

– Спрыгнул.

– Насмерть?

– Жив. Но отец его очень разозлился, кричал, что специально держал меня рядом, как будущую любовницу сына. Не жену. Любовницу... – слезы текут по щекам, но девушка их не замечает. Надо высказаться, раз уж решилась. – Потом нервный срыв. Камера. Подземелье. Холод. Суд. Приговор. Все как в дымке. Ничего не помню. Не попрощалась ни с мамой, ни с братом.

– Девочки, – нервно смеется Аннета. – Мне только одной кажется, что наши дела слишком раздуты и... сфальсифицированы?

– Командор! – молоденький лейтенант обращается не по уставу. – Корабль с Земли пересек запретную орбиту и удаляется от Луны.

– Распылить, – равнодушный голос звучит слишком рез-

ко, заставляя командный состав невольно сделать шаг назад. – Забыли о протоколе, лейтенант?

Двухметровый гигант медленно переводит взгляд на подчиненного. Этого немигающего взгляда боятся все. Он лишает воли и ясности сознания. Командора не любят. Ему подчиняются, единогласно принимая его знания, опыт и авторитет. Уважают за справедливость и быстроту решений. Если вступил в Межгалактический Патруль, то командор за тебя будет горой, вытащит из самой задницы, но и потребует в сто раз больше, чем другие командующие. Но не любят.

– Сэр Командор, я просканировал корабль землян, – лейтенант Ферз, решив, что хуже не будет, открыто демонстрирует несоблюдение межгалактических протоколов.

– И... – в командорской рубке тишина. Пролети комар, и шуршание его крыльев услышат все.

– Это не космический корабль. Эвакуационный шаттл. Последние идентичные модели сошли с конвейера почти шестьсот лет назад. На Земле.

– Они нарушили ограничивающую орбиту. Мне повторить приказ?

– Подождите, командор, – по рубке пронесся едва слышимый «ах». Ну и наглец же этот Ферз! Спорит с самим Черным Командором, внушающего ужас всему адмиралтейству.

– На борту отсутствует оружие, – продолжает лейтенант, – Полностью. Столовые приборы из растворяющегося пластика. Запасы воды, еды и воздуха примерно на 6 месяцев. Вернее – 5 месяцев, 29 дней и 7 часов. На борту три особи женского пола.

– Выведите на экран, – странный приказ никто не посмел осудить. Техники бросаются к тумблерам.

Три минуты, две, пара секунд...

И вместо звездной дали на экране появляется тесненькое помещение. Межгалактический Патруль с безразличностью рассматривает убогое старье. Видно плоховато, связь еще не налажена, но неказистая обстановка различима. Три пилотских кресла. Как на них вообще можно сидеть? Серый пол, утыканный пластинами с заклепками. О них же вечно будешь спотыкаться. На полу копошится темное пятно. Не разглядеть. Три шкафа, с убранными в ниши узкими кроватями. Как неудобно и нерационально. Для быстрой эвакуации подойдет, но жить здесь полгода... Увольте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.